

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ КАТАСТРОФА

1. В мире, в котором мы сегодня живём, происходит невозможное. Рядом с нами Бог, а мы Его не видим. Он нам что-то говорит, а мы Его не слышим. В нас Его дыхание, а мы его не ощущаем. Наши сердца не бьются учащенно при слове «Истина». Мы — безбожники. По самой своей сути. По способу жизни. По тому, как звучит слово «человек». А звучит оно гордо. Мы перестали кланяться. И Бог перестал нас посещать. Он к нам не приходит. А мы решили, что Его нет, ибо мы полагаем, что воспринятое существует, а не воспринятое — не существует. Что только моё «Я» не может не существовать, а всё остальное может как быть, так и не быть. В составе случайного оказывается и Бог. А всякую случайность полагается мыслить несуществующей. Ведь мыслить — значит полагать несуществующим.

Выбирая позитивный вывод, мы встраиваем себя в горизонт теологической катастрофы. Но в этом горизонте и человек оказывается чем-то случайным. Неосновательным. И если быть последовательным, то нужно признать несуществующим и человека. Ведь если бы человек был, то его существование было бы немыслимым. Оно бы бросало вызов мышлению, указывало на его границы. Ограничивало его. А поскольку ничто не ограничивает мысль, постольку можно сделать вывод о несуществовании человека. Чистое мышление, мысль без пределов создает невыносимые для человека условия существования. И поэтому либо его надо ограничить, либо надо согласиться со своим существованием в мире антропологической катастрофы. Ограничивает мысль верующее мышление.

2. В мире антропологической катастрофы скорость смены одного события другим так велика, что значения и смыслы не успевают осесть. Выпасть в осадок. А если они и кристаллизуются, то мы их не успеваем сделать фактом сознания. Поэтому сегодня каждому из нас приходится жить в режиме неизвлеченного смысла. В мире неясного и неочевидного. А если мир не ясен, если он лишен смыслов, то в нем невозможно и напряжение воли. А если в мире нет воли, то в нем нет и того, что

существует, если мы хотим, чтобы оно было. Предметы воли и веры исчезают, растворяются в мире причинных зависимостей. Мир как бы проседает. В человеке образуется пустота, заполняемая социальными институциями. Чем хуже становится человек, тем лучше становится общество. Социум становится гуманным, человек — социальным. В нем ценятся структуры рабочей силы. Профессия. Роли. Личность не находит спроса и умирает.

3. В мире антропологической катастрофы язык является опорой человека. На него нельзя полагаться. Его слова вводят нас в заблуждение. Живые дела человека были и ушли, а слова остались. И путаются под ногами. Отказ от языка, от его пустых слов делает нашу речь окольной, косвенной, косноязычной. Молчание превращается в наиболее адекватную форму языкового существования человека. Жест устранения мертвого языка очищает пространство для непосредственности новых диких, для наивности Иванушки-дурачка, для искренности примитива. Знание раздавило человека. Сделало его бесчувственным. Опосредованным.

4. В мире высоких скоростей невозможна искренность. Непосредственность и теплота. А если нет искренности, то нет и условий для того, чтобы была истина. И вера. Если нет непосредственности подлинного, то нет и реальности вообще. В мире антропологической катастрофы невозможны слова—утешения. А значит, невозможна и душа. Поэтому сегодня мы живем в мире теней, симуляций и пустоты. Никто не успевает воздействовать на самого себя. Ведь воздействовать на себя мы можем только во времени, при малых скоростях событийной жизни. А если нет воздействия на себя, то нет и того, что могло бы называться нашей субъективностью. Антропологическая катастрофа лишает нас субъективности, превращая ее в нечто виртуальное.

5. Событийной стороне жизни пока еще сопротивляется дословность быта. Смыслы, сохраненные повседневностью. Еще не все ее значения переведены во взвешенное состояние. Еще есть надежда на то, что в эмоциях новых варваров родится мысль, в дословности примитива родится слово, а в абсурдности зауми родится вера. Возможно, что в немотствовании наива мы вновь услышим человечески осмысленную речь. Правда, для этого нам придется приостановить бег в тупике временной бесконечности. О надвигающейся антропологической катастрофе знал А. Хомяков. И знал М. Хайдеггер.

6. Хомяков, будучи в Лондоне на Всемирной выставке, заметил дерево, укрытое в стеклянном колпаке, и сказал, что сделанное должно иметь почтение к тому, что выросло. То же самое говорит и Хайдеггер в своих «Проселках», передавая разговоры дуба и проселочной дороги. То, что делается, делается быстро. То, что растет, растет медленно. И когда сделанное замещает выросшее, наступает катастрофа. Ибо в мире есть такая сторона, которая сопряжена только с тем, что в человеке вырастает. С чем-то органическим, а не с тем, что делается или сделано.

7. Человек для самого себя стал проблемой по нескольким причинам. Главное в том, что сознание испарило душу, умертвило инстинкты, чувства и эмоции. На их месте остались «вмятины», антропологические пустоты. Вообще все было хорошо, пока у человека были привилегии, которые ставили его во главе мировой иерархии. У человека была привилегия на ум, на свободу, на волю. Знание поднимало по этой иерархии, ибо знающий был выше верующего и выше умеющего. А знающий о знании был выше просто знающего. Знание знания представляло как полное бытие в себе и для себя. Когда ты наверху, ты спрашиваешь не о себе, а о вещах. О том, что внизу. О природе. Твое место как бы уже определено. И стали люди как боги. У них не было соперников. Ничто им не угрожало. Кроме самих себя.

Знание природы своей тяжестью раздавило мировую иерархию. Человек лишился привилегий. Он сам себя их лишил. И вот уже нет ни верха, ни низа, ни начала, ни конца. И место человека не определено. Он потерял свою сущность, то, что от Бога. Что не нуждается во времени. Поэтому он стал испытывать нужду во времени. Погрузился в сферу субъективного, временного, непрочного. Вот эта временность человеческого существования была предъявлена человеку экзистенциалистами.

Во времени нельзя быть полным, законченным, определенным. Окончательное суждение о человеке также невозможно. Ведь определения связаны с сущностью, с как бы уже пройденной бесконечностью, а ведь эту бесконечность еще надо пройти. Человеку еще нужно жить. Существовать. Поэтому экзистенциально человек хватается, как за соломинку, за «здесь и сейчас».

8. А что «здесь и сейчас»? Забота, тоска, надежда. И пустота. На что можно положиться? На себя? Но ты — не Бог.

На друга? Но другой — это ад. Душа дискредитирована, потому что она всегда делает не то, что нужно уму, не то, что полезно человеку, а то, что ей хочется. Душа коррумпирует волю. И воля уходит из-под опеки ума. Разум тоже дискредитирован. Ибо в нем есть правильность, но нет силы.

Поэтому что мы находим «здесь и сейчас»? То, что нам досталось от природы. Свой пол. Он определяет наше место. Психоаналитическая антропология возвращает человеку его портрет. Человек — это существо эротическое. Им овладевают влечения и желания. Страдания и аффекты. И поэтому он болтается, как туча комаров на ветру, то туда, то сюда. Но где же ум? Нет ума. Вернее, он, может быть, и есть, да силы у него нет. А раз у него нет силы — значит, ее где-то нужно занять. У кого-то позаимствовать. Вот эта нужда и делает возможной эрозию ума. И «черный пиар» со стороны страсти.

Если нельзя положиться на ум, то на что можно полагаться? Не на что. Инстинктов нет, культура лжива, общество лицемерно. Человек пуст. Он как бы никакой. Вернее, недоделанный. Неполноценный. Эта ущербность дает человеку силу доопределения. Природу доделать нельзя. Поэтому недоделанное в человеке природой доделывается, как полагал Адлер, в социуме. Но его теория плохих людей и хорошего общества базируется на положениях антропологии без человека.

9. Время временит и все делает временным. В том числе и пол. И лицо. Теперь — это не константа. Не то, что тебе даровано судьбой. А некие переменные. Все вовлечено в процесс делания себя.

Все трансцендирует, хотя нет никакой трансцендентности. Человеческое оказывается не в человеке, а в социуме. Социум становится все гуманнее, а человек все более антигуманным.

10. Тяжба между бытием и человеком, о которой говорит Хайдеггер, еще не закончилась. Еще неизвестно, кто кого: бытие — нас или мы — его. Пока есть человек, сущее находится у него в руках. Правда, оно без бытия. Но и бытие — без сущего. Если сущее отобрать у человека и вернуть его бытию, то человек сместится на периферию мира. Станет в нем маргиналом. Нужна ли нам такая деантропологизация мира? Хотим ли мы человека без сущего?

11. Русская философия возникает за пределами философии. Она с самого начала показывает свою связь с литературой. Ее

отношение к науке является чем-то второстепенным. Вторичным. Русская философия возникает в XIX веке как философия славянофилов.

Ю. Ф. Самарин — поворотная точка в развитии русской философии. Одна ее линия поведет к Вл. Соловьеву, другая — к Н. Данилевскому. Соловьев стал неудачей русского сознания, ее софийным тупиком. К. Леонтьев и В. Розанов составили перспективу существования философского сознания России, внутри которой появились евразийство и авангард.

12. Антропология русского сознания обусловлена разрывом между философами и интеллигенцией. Интеллигенция стала чистой негативностью русского сознания. Она все разрушает. Философы восстанавливают разрушенное. По выражению К. Аксакова, они ищут пути возвращения домой. К обжитому, обитаемому, родному.

В России всегда было слишком много интеллигенции. И мало философов. Интеллигенция — неудачное изобретение русской истории.

13. Русские никогда не любили человека. Не гордились им. Не ставили ему памятники. Сам по себе человек не интересен. В самом по себе человеке много скверного. Тварного. Ни одному человеку не дано быть выше мира. И пока есть то, что выше человека, возможны действия «во имя». Этими действиями держится мистериальный порядок культуры.

14. Человек — это мистерия. Понимание данного обстоятельства привело русских философов к теории поступка, в основе которой лежит идея отречения от себя, от личности. Тогда как европейские теории личности полагали в качестве поступка слово, то, что завершает действия в сознании.

Русские философы заметили разрыв между человеком и личностью. Все личности одинаковы, а люди различны. Человек требует укорененности в почве, в традиции. Ибо человек — это путь, который ведет дальше цели. Соборность пути требует смещения «Я» из центра. Ни одно «Я» не может отсчитывать от себя традицию. Вот этим смещением «Я» создается перспектива существования не рационального человека, а сердечного. Его суть в вере. В живом знании.

Человек, в понимании русских философов, — не титан, не автономная личность, а непрерывно доопределяющееся в Боге существо.